
Летопись жизни страны и человека: В. Б. Лопухин и его воспоминания

С. В. Куликов

Традиционно в поле зрения историков и всех интересующихся историей оказываются воспоминания государственных деятелей первого эшелона власти, что вполне оправданно — блестящая карьера заставляет ожидать от того, кто ее проделал, и не менее блестящих литературных способностей. Однако довольно часто воспоминания выдающихся государственных деятелей не оправдывают ожидания читателя — если не формой, то содержанием. Это либо откровенные самооправдания, либо потуги на глубокомысленные рассуждения, которые отрывают автора от почвы исторической реальности, укоренение в которой как раз и является целью исследователя. В воспоминаниях важны не только общие места, но и черты лиц и детали событий, известные лишь мемуаристу, кажущиеся, на первый взгляд, малозначащими или само собой разумеющимися, а потому отсутствующие в воспоминаниях великих мира сего. С этой точки зрения выгодно отличаются мемуары представителей второго эшелона власти, поскольку их авторы, не страдая завышенной самооценкой, в большей степени склонны уделять внимание не столько своим рефлексиям, сколько окружающим людям и обстоятельствам, позволяя читателю вместе с автором почти физически погрузиться в толщу времен. Именно к такого рода историческим источникам и относятся воспоминания Владимира Борисовича Лопухина, который хотя и назвал их «Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел», на самом деле был типичным представителем второго эшелона власти. Директора департаментов входили в состав бюрократической элиты, т. е. первого эшелона власти, но наш мемуарист числился среди них менее года и на протяжении всей своей предыдущей карьеры относился ко второму эшелону.

По словам А. И. Добкина, В. Б. Лопухин — «незнаменитый человек, его судьбу нельзя назвать бурной или прихотливой»^а. Лучшее всего о происхождении, родственном окружении и жизненном пути В. Б. Лопухина рассказал он сам, од-

^а Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. М., 1990. С. 10.

нако позволительно более подробно обрисовать этого, в общем-то, незаурядного человека. Можно согласиться с тем, что лично В. Б. Лопухин действительно не отличался знаменитостью, но громкую славу снискал и род, к которому он принадлежал, и те роды (Оболенских^а, Протасьевых, Самариных, Свербеевых, Стольпиных, Трубецких^б, Унковских, Урусовых и других), в родстве или свойстве с которыми он состоял.

Род Лопухиных — один из древнейших родов российского дворянства^с. Первое упоминание о его полулегендарном основателе датировано 1022 г. и встречается на страницах «Повести временных лет» — им явился касожский (черкесский) князь Редедя, женившийся на дочери князя Мстислава Владимировича и внучке крестителя Руси Владимира Святославовича. Важнейшее звено в истории рода Лопухиных — жизнь Михаила Юрьевича Сорокоума, боярина московского князя Ивана Калиты. Именно этот боярин и стал исторически достоверным родоначальником Лопухиных, а также Бобровых, Глебовых, Лаптевых, Лупандиных, Телегиных и многих других дворянских фамилий. Возвышению Лопухиных содействовало то, что в 1689 г. они породнились с царствующей династией — тогда женой Петра I стала Евдокия Федоровна Лопухина, родившая ему первенца — царевича Алексея Петровича.

Хотя дальнейшая судьба первой жены монарха-преобразователя и его сына была, как известно, весьма трагической, Лопухины и в период Российской империи входили в состав правящей элиты страны. Впрочем, во второй половине XIX в., в отличие от родственных им князей Трубецких, Лопухины оказываются в некотором отдалении от высшей аристократии. Сравнивая обе фамилии, двоюродный брат мемуариста князь Е. Н. Трубецкой вспоминал о Лопухиных: «Это была также стародворянская типическая семья, но совершенно в другом стиле. В стиле этом не было княжеского великолепия, не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича, но зато было несравненно больше свободы. А главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное изображение в семействе Ростовых толстовского романа». Судя по всему, Лопухины второй половины XIX в. тяготели не столько к столицам, сколько к провинции, к земле, что приводило к известному демократизму семейных нравов и содействовало адаптации к реалиям пореформенной России. «Свободные отношения отцов и детей, внуков и дедов облегчали переход от старой России к новой, — подчеркивал Е. Н. Трубецкой. — Семья Лопухиных в шестидесятых годах была куда современнее, чем семья Трубецких. Благодаря этому и спор отцов и детей здесь проявился в других формах, несравненно

^а О ветви этого рода, связанной с Лопухиными, см.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005.

^б О взаимоотношениях Лопухиных с Трубецкими см.: *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого // Россия воспрянет. Князя Трубецкие. М., 1996. С. 16–20.

^с Подробнее о нем см.: Дворянские роды Российской империи. Т. 2. М., 1995. С. 171–180; *Краевский Б. П.* Лопухины в истории Отечества: К 1000-летию рода. М., 2001. См. также: *Островский А. В.* Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 191–214.

более мягких; несмотря на этот спор, расстояние между поколениями все-таки не превращалось в пропасть»^a. Несомненно, что характерная для Лопухиных сравнительная бесконфликтность отношений между поколениями наложила свою печать и на детство В. Б. Лопухина.

Отцом автора воспоминаний был видный судебный деятель Борис Алексеевич Лопухин (1844–1897), женатый на Вере Ивановне, урожденной Протасевой. В течение своей карьеры Б. А. Лопухин завязывал дружеские отношения с людьми, которые впоследствии стали выдающимися сановниками Российской империи. К их числу относились государственный секретарь и министр юстиции Н. В. Муравьев, сенатор и член Государственного совета В. В. Калачов и, наконец, государственный секретарь и министр внутренних дел В. К. Плеве. Связи отца с перечисленными лицами позднее предопределили успех карьеры сына, равно как и ее своеобразие.

Владимир Борисович Лопухин родился 27 мая 1871 г.^b Владимир Борисович был не единственным ребенком в семье — в 1878 и 1883 г. у него появились брат, Евгений Борисович (умерший после 1940 г.), и сестра, Вера Борисовна (год ее смерти неизвестен). Судя по всему, к моменту рождения В. Б. Лопухина и даже его поступления на службу его отец был достаточно состоятельным человеком. Во всяком случае, как видно из сыновнего формулярного списка, повторявшего более ранние сведения, в 1906 г. Б. А. Лопухин, в действительности умерший девять лет назад, владел 4000 десятинами земли при с. Большое Ухолово и д. Изурова Рязанского уезда и базарной площадью при названном селе^c.

Согласно «Краткому сведению» В. Б. Лопухина, документу, составленному в 1914 г. на основании позднейших формуляров в канцелярии Министерства императорского двора в связи с пожалованием его в камергеры, в соответствующей графе указано, что недвижимого имущества у него нет^d. Сам В. Б. Лопухин, описывая ситуацию, в которой он оказался в конце 1917 г., после ухода (не по своей вине) с государственной службы, сообщал: «У меня, да и у моей жены, никакой недвижимой собственности, ни капитала никогда не было. Ни я, ни жена не успели ни от кого получить никакого наследства. Было припасено несколько сотен рублей, и то доставшихся путем учета в Обществе взаимного кредита дружеских векселей». Помимо этого, в распоряжении чиновника, занимавшего один из руководящих постов в Министерстве иностранных дел (!), имелись только 2–3 выигрышных билета внутренних займов, «кое-какие» ювелирные ценности жены, собственные ордена, золотой портсигар, подаренный сослуживцами, карманные золотые часы и столовое серебро (см. с. 320 настоящего издания). Существовая почти исключительно за счет собственного жалования, В. Б. Лопухин, таким образом, являлся типичным представителем оскудевшего, т. е. безземельного, дворянства.

^a Трубецкой Е. Н. Из прошлого. С. 16, 19.

^b Об источниках, содержащих информацию о вехах жизненного пути В. Б. Лопухина, см.: Куликов С. В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 39.

^c РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 630. Данные из сохранившегося в этом деле формуляра предоставил Д. Н. Шилов.

^d Там же. Ф. 472. Оп. 45. 1914 г. Д. 10а. Л. 209 об.

Несмотря на то, что многие безземельные дворяне, подобно В. Б. Лопухину, формально принадлежали к древнейшим аристократическим родам, столпы поместного дворянства не считали их своими собратьями. В. Н. Ознобишин заявил 21 мая 1906 г. на заседании Первого съезда уполномоченных дворянских обществ, что «истинное дворянство поместное, живущее на земле, ничего общего не имеет с теми дворянами, которые наполняют петербургские канцелярии и которые никакими традициями с поместным дворянством не связаны»^а. Приведенная точка зрения предопределялась тем, что безземельные дворяне, действительно, как бы выпадали из своего сословия. По наблюдениям двоюродного племянника В. Б. Лопухина, князя С. Е. Трубецкого, представители дворянства, не имевшие поместий, теряли характерные черты «служилого сословия»^б. Безземельные дворяне, захваченные течением социальной эволюции, пополняли ряды российской интеллигенции. Потомственные дворяне, «порвавшие связь с землевладением, — указывал кадетский историк А. М. Ону, — слились с интеллигенцией»^с. Лопухин, будучи формально выходцем из потомственного дворянства, фактически по своему социальному статусу принадлежал к интеллигенции.

Принадлежность безземельных дворян к интеллигенции закреплял фактор второй социализации, т. е. получавшееся ими образование. Среднее образование В. Б. Лопухин приобрел в Ярославской классической гимназии, поскольку именно в Ярославле долгое время служил его отец. Однокашником В. Б. Лопухина являлся не кто иной, как знаменитый в будущем певец Л. В. Собинов. Позднее В. Б. Лопухин учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, что было нетипично для представителей бюрократической элиты, в состав которой он вошел позднее. Большинство из них училось на юридических факультетах университетов и в привилегированных учебных заведениях (Александровский лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус), и В. Б. Лопухин являл собой такое же исключение из правил, как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, окончившие, соответственно, физико-математический и естественный факультеты. В 1894 г., по окончании университета с дипломом 1-й степени, В. Б. Лопухин был оставлен, правда, без стипендии, при кафедре астрономии для продолжения научных занятий под руководством профессора С. П. Глазенапа. Несколько лет В. Б. Лопухин пытался совмещать занятия наукой и государственную службу, однако, в конце концов, выбрал вторую. В данном случае частный пример также подтверждал общую тенденцию.

В России в конце XIX – начале XX в. отношения власти и науки на персональном уровне протекали в рамках трех идеальных типов — «ученого во власти», «несостоявшегося ученого» и «просвещенного сановника»^д. Несомненно, что В. Б. Лопухин воплощал второй из них — тип «несостоявшегося ученого»: он обобщал индивидуальные черты чиновников, имевших ментальность ученого, которую в силу тех или иных чисто внешних причин они не актуализировали

^а Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С. 49.

^б *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 117.

^с *Ону А. М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995. С. 19.

^д Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы междунар. науч. colloquiuma.* СПб., 2003.

до конца. К научному сообществу они принадлежали поэтому не по формальному статусу, а именно по ментальности, присущей, в частности, старшему другу В. Б. Лопухина, крупному государственному деятелю Н. Н. Покровскому. «По каждому делу, — вспоминал В. Б. Лопухин, характеризуя его как товарища министра финансов, — Н. Н. вел большую подготовительную работу, изучая прецеденты, историю вопроса, научную его трактовку, соответствующее иностранное законодательство, подбирая материал для согласования проводимой новой меры с системой соприкасавшихся с нею законоположений. Большая эрудиция, начитанность Н. Н. и усвоенные им знания в области политической экономии и финансового права были поистине изумительные. Ему могли в этом отношении позавидовать квалифицированные академики и профессора» (с. 145).

Одной из причин существования прослойки «несостоявшихся ученых» являлось оскудение дворянства. Профессиональные занятия наукой, особенно для начинающих ученых, были довольно дорогим удовольствием, и если у них, вернее их родителей, отсутствовали необходимые материальные средства, как это произошло в случае с В. Н. Коковцовым, научную карьеру приходилось завершать, еще не начав. Судя по всему, в подобной же ситуации, вследствие смерти отца в 1897 г., оказался и В. Б. Лопухин.

Вроде бы убедив самого себя в неизбежности выбора им чиновничьей карьеры, мемуарист отмечал: «Однако мне не раз пришлось, особенно в старости, пожалеть о проявленном мною в этом случае малодушии. Как ни неблагоприятно сложились обстоятельства, можно и должно было претерпеть и выждать, не сходя с лучшего в жизни пути научной деятельности» (с. 57). То, чего не достиг В. Б. Лопухин, с лихвой наверстал его брат, который, также окончив физико-математический факультет Петербургского университета, стал ученым-физиком. Впрочем, в 1903–1913 гг. он, как и В. Б. Лопухин, служил в Министерстве финансов, а затем — в Министерстве торговли и промышленности. Вместе с тем, к 1917 г. Е. Б. Лопухин был приват-доцентом, преподавал физику в вузах Петрограда. В начале 1920-х гг. он являлся помощником ректора Агрономического института по административно-хозяйственной части и профессором Института гражданских инженеров в Петрограде. В 1930-е гг. Е. Б. Лопухин жил в Баку, профессорствуя в Азербайджанском университете и Нефтяном и Политехническом институтах, а затем вернулся в Ленинград, где преподавал в Технологическом институте. Е. Б. Лопухин — автор нескольких научных исследований и учебных пособий^а. Так или иначе, но отношения В. Б. Лопухина с наукой лишней раз дают основания для отнесения его и ему подобных чиновников именно к интеллигенции.

Для самого В. Б. Лопухина наметившееся на рубеже XIX–XX вв. перемещение социально-политического центра тяжести от поместного дворянства к все сословному чиновничеству представлялось очевидным. Характеризуя это время, он писал: «Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия. Выдающееся положение занимали в ней многочисленные выходцы из

^а Ионизация газов ультрафиолетовым светом. Пг., 1915; Конспект лекций по физике. Вып. 1, 2. Л., 1924–1925; Оптика. Баку, 1931; Молекулярная физика и теплота: Конспект курса. Баку, 1932; Оптика: Конспект курса. Баку, 1932; К вопросу о строении атомного ядра. [Баку], 1934; Курс физики для втузов. Ч. 1. Баку, 1934; Руководство к лабораторным работам по физике / Под общей ред. Е. Б. Лопухина. Л., 1940.

других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов» (с. 81). Причины функционального порядка и привели к тому, что в начале XX в. Россией правили не поместные дворяне, а профессиональные бюрократы, многие из которых являлись интеллигентами.

Не случайно, что, подразумевая не только низшую и среднюю, но и высшую бюрократию, В. Б. Лопухин употребил по отношению ко всем им термин «служилая интеллигенция» (с. 311). С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали, независимо от В. Б. Лопухина, совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники. «Русский чиновник и интеллигент, — отмечал английский журналист Р. Вильтон, — были братьями той же семьи»^a. Из упоминаемых В. Б. Лопухиным последних царских министров А. А. Риттих относил к «нашей интеллигенции» и «тех, кто стоял на верхах управления»^b, а Э. Б. Кригер-Войновский, формально происходивший, как и автор воспоминаний, из потомственных дворян, полагал, что по своему социальному положению принадлежит «к громадному большинству русской интеллигенции»^c. Таков был социальный контекст, на фоне которого началась карьера В. Б. Лопухина.

По протекции министра юстиции Н. В. Муравьева В. Б. Лопухин 23 июня 1894 г. поступил в возглавляемый В. В. Максимовым Департамент железнодорожных дел Министерства финансов на должность канцелярского чиновника, причем отсчет его пребывания в ней начался с 10 июня того же года. В это время Министерство финансов считалось, пожалуй, наиболее престижным ведомством, поскольку его руководитель С. Ю. Витте являлся едва ли не самым влиятельным сановником 1890-х гг. В свою очередь, Департамент железнодорожных дел был, несомненно, одним из преуспевающих подразделений министерства, так как пользовался особым покровительством С. Ю. Витте, который не только разработал проект создания подобного департамента, но и стал в 1889 г. его первым директором. Уже 22 сентября 1894 г. В. Б. Лопухин был назначен счетным чиновником, числясь им с 1 сентября этого года, а 20 февраля 1895 г. произведен в чин коллежского секретаря, со старшинством с 10 июня 1894 г. Не прошел и первый год службы В. Б. Лопухина, как уже заявила о себе свойственная ему «охота к перемене мест», которую можно назвать наиболее характерной чертой его последующей карьеры. В отличие от большинства других бюрократов, В. Б. Лопухин неоднократно менял департаменты и ведомства, превратившись в настоящего чиновника-кочевника.

4 мая 1895 г. В. Б. Лопухин перешел в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, с причислением к нему. Причиной такого шага, помимо соображений материального порядка, стало то, что данное подразделение, руководимое В. И. Ковалевским, приобрело известную попу-

^a Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 386.

^b А. А. Риттих — А. Н. Яхонтову. 15 июня 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 432.

^c Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: воспоминания, впечатления, мысли о революции. Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 9.

лярность, выдвинувшись на первый план в связи с подготовкой Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. В. Б. Лопухин попал в эпицентр подготовки этого важного события: 1 июня 1895 г. его сделали старшим помощником делопроизводителя Комиссии по заведованию устройством Всероссийской выставки, а уже 26 июня — старшим делопроизводителем канцелярии генерального комиссара выставки В. И. Тимирязева.

Прослужив в Министерстве финансов менее трех лет, В. Б. Лопухин решил, что его карьера несколько замедлилась, и 1 февраля 1897 г. перешел в Государственный контроль, чему способствовало знакомство с сослуживцем по Министерству финансов С. Т. Филипповым — сыном государственного контролера Т. И. Филиппова. В Контрольном ведомстве В. Б. Лопухин числился с 15 января младшим ревизором Департамента гражданской отчетности. Здесь 19 мая 1897 г. его «нагнала» награда за «особые труды» по Нижегородской выставке — он получил чин титулярного советника, со старшинством с 10 июня 1895 г.

Но служба в Государственном контроле тоже не удовлетворяла В. Б. Лопухина, прежде всего, своей рутинностью, во многом обусловленной тем, что Т. И. Филиппов, в отличие от С. Ю. Витте, относился к своему ведомству слишком формально. По наблюдениям С. Ю. Витте, Т. И. Филиппов «не занимался теми делами, которыми он должен был заниматься, т. е. контролем над всеми государственными, экономическими и хозяйственными функциями», но «всегда занимался различными вопросами, не имеющими никакого отношения к тем делам, которые ему были поручены»^а. Яркие примеры вневедомственных увлечений Т. И. Филиппова приводит в своих воспоминаниях В. Б. Лопухин, умилившись серьезным интересом шефа к русской народной песне, благодаря чему получили развитие такие фольклорные начинания, как, например, оркестр русских народных инструментов под управлением В. В. Андреева.

Не прошло и года после поступления В. Б. Лопухина в Государственный контроль, как 9 января 1898 г. он перешел в возглавлявшееся М. Н. Муравьевым Министерство иностранных дел на должность делопроизводителя 8 класса Департамента внутренних сношений. Неожиданной кадровой метаморфозе способствовал директор упомянутого департамента Н. А. Малевский-Малевиц, с которым В. Б. Лопухин сблизился у друга своей семьи, сенатора В. В. Калачова. Н. А. Малевский, характеризовавшийся коллегой В. Б. Лопухина по МИД бароном М. А. Таубе как «умный и опытный»^б, отличался склонностью к привлечению в Дипломатическое ведомство молодых интеллектуалов. Задумав издавать «Сборник консульских донесений», по примеру аналогичных иностранных образцов, и зная о достоинствах В. Б. Лопухина как стилиста, Н. А. Малевский решил поручить это дело именно ему. Тот факт, что В. Б. Лопухин сумел попасть в МИД не в самом начале своей карьеры, да еще и из другого ведомства, свидетельствовал о незаурядности его способностей. По воспоминаниям другого чиновника дипломатического ведомства с похожей судьбой, «МИД представлял из

^а Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стеногр. записи. Рукоп. заметки. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 251, 252.

^б Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 40.

себя всегда крайне замкнутую касту»^а, проникнуть в него со стороны мог только действительно незаменимый человек.

Еще более показательно, что двоюродный дядя В. Б. Лопухина, товарищ министра иностранных дел князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий, т. е. второй человек в Дипломатическом ведомстве, устранился от оказания протекции своему родственнику. «Против назначения Лопухина, — сказал он Н. А. Малевскому, — я возражать не буду. Но предупредите его, чтобы он не мечтал о дипломатической карьере. Для нее нужны личные средства, каковых у Лопухина, я знаю, нет. Ни о канцелярии, ни о посольствах и миссиях пусть не мечтает». Из этого случая В. Б. Лопухин делал справедливый вывод о том, что «в некоторых, достаточно многих случаях <...> не было в то время места для той бесшабашной протекции, о которой принято говорить». В данном случае В. Б. Лопухин имел в виду nepoтизм, а не протекцию как таковую. Не менее резонным является и другой вывод мемуариста — что «без денег в те времена по дипломатической службе ни-ни; это уже во всех случаях» (с. 73).

Пребывая в центральном аппарате МИД, В. Б. Лопухин 12 ноября 1898 г. за выслугу лет получил чин коллежского асессора, со старшинством с 10 июня этого года. Главным и, по сути дела, единственным служебным занятием В. Б. Лопухина стало составление «Сборника консульских донесений». Очередная кадровая метаморфоза настигла Лопухина менее чем через четыре года после его появления в МИД. Перспективы, открывавшиеся в дипломатическом ведомстве, показались ему узкими (действительно, в лучшем случае он мог рассчитывать стать консулом в какой-нибудь небольшой стране), а потому 27 февраля 1902 г. В. Б. Лопухин перевелся в Государственную канцелярию, причем это произошло по протекции ее руководителя, государственного секретаря В. К. Плеве. В Государственной канцелярии, обеспечивавшей делопроизводство Государственного совета и кодификацию, В. Б. Лопухин занял должность делопроизводителя 7 класса Отделения промышленности, наук и торговли. В 1903–1904 гг. этим отделением управлял статс-секретарь Государственного совета Н. Н. Покровский, который именно тогда сблизился со своим подчиненным.

В 1902 г. произошли изменения и в личной жизни мемуариста, ранее состоявшего в браке с Марией Дмитриевной, урожденной княжной Урусовой. Брак этот, однако, оказался неудачным и определением Синода 11/18 июля 1902 г. был расторгнут: бывшей супруге разрешили вступить в новый брак, а бывшего супруга осудили на «всегдашнее безбрачие». В. Б. Лопухину оставалось утешаться тем, что 19 ноября 1902 г. за выслугу лет он получил чин надворного советника, со старшинством с 10 июня 1902 г. Наконец, сама служба в Государственной канцелярии возвышала ее чиновников над превратностями их частной жизни, поскольку данная канцелярия именно в начале XX в. была наиболее престижным ведомством Российской империи. «Важность этого учреждения», — подчеркивал сын одного из чиновников Государственной канцелярии, — предопределялась «традициями, восходящими к Сперанскому», тем, что в ней «все дышало помпезностью старого режима» и «представлялась возможность ежедневно общаться

^а Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 20.

с самыми высшими сановниками империи»^а. Отмеченные обстоятельства имели далеко идущие последствия.

Служба в Государственной канцелярии давала возможность быстро достигнуть самых высоких бюрократических должностей, прежде всего министерских. Один из сослуживцев В. Б. Лопухина по Государственной канцелярии, В. И. Гурко, даже писал, что она являлась «рассадником высших должностных лиц»^б. Действительно, из известных государственных деятелей начала XX в. питомцами канцелярии были: главноуправляющий Собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии князь Д. П. Голицын-Муравлин, государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, министр народного просвещения П. М. фон Кауфман, министр финансов и председатель Совета министров граф В. Н. Коковцов, государственный контролер и министр иностранных дел Н. Н. Покровский, министр путей сообщения С. В. Рухлов, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, министр путей сообщения и председатель Совета министров А. Ф. Трепов, государственный контролер и министр торговли и промышленности Д. А. Философов, государственные контролеры П. А. Харитонов и С. Г. Феодосьев, а также управляющие делами Комитета и Совета министров А. Н. Куломзин, барон Э. Ю. Нольде и И. Н. Лодыженский.

Появление В. Б. Лопухина в Государственной канцелярии объяснялось не только протекцией В. К. Плеве, но и личными дарованиями — на малоспособного чиновника государственный секретарь не обратил бы своего внимания. Подразумевая Государственную канцелярию, В. И. Гурко писал: «Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа Канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого труда». Неудивительно, что большинство чиновников Государственной канцелярии образовывали, по наблюдениям В. И. Гурко, «люди с большим опытом», которые «быстро усваивали» «самые разнообразные и иногда совершенно им неизвестные перед тем вопросы»^с. Несомненно, что к числу таких людей принадлежал и В. Б. Лопухин.

Способности В. Б. Лопухина оценили и преемники В. К. Плеве на посту государственного секретаря — В. Н. Коковцов и особенно барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт. Так, 1 января 1905 г. В. Б. Лопухин получил чин коллежского советника, со старшинством с 10 июня 1904 г., а 9 апреля 1905 г. ему поручили принять участие в обеспечении делопроизводства Особого совещания под председательством И. Л. Горемыкина о мерах к укреплению крестьянского землевладения. 8 ноября 1905 г. В. Б. Лопухин был назначен старшим делопроизводителем Государственной канцелярии. Казалось, что именно в канцелярии он наконец-таки закончит свои скитания по разным министерствам, тем более что здесь его труд и оплачивался сравнительно высоко. Как делопроизводитель, В. Б. Лопухин имел 1200 рублей жалованья, 1000 столовых и 600 квартирных, т. е. почти 3000 рублей в год. Кроме того, в награду он получал и разовые выплаты: в 1902 г. — 200, в 1903 — 275, в 1904 — 250, в 1905 — 250 рублей.

^а Любимов Л. Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С. 29.

^б Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 115.

^с Там же. С. 111–112.

Новый зигзаг карьеры В. Б. Лопухина косвенно был обусловлен реформированием государственного строя Российской империи, которое происходило в 1905–1906 гг. и закончилось изданием Основных законов 1906 г. и открытием в апреле этого года I Думы. В. Б. Лопухин воспринял все эти преобразования положительно, что предопределила фамильная традиции Лопухиных. «Нигилистов и вольнодумцев между моими дядями Лопухиными не было, — вспоминал Е. Н. Трубецкой, описывая в т. ч. и отца В. Б. Лопухина, — но характерно, что, в отличие от дядей Трубецких, которые все начинали свою службу в гвардии, мои дяди Лопухины все были судебными деятелями, притом либеральными: мягкая душа и гибкий ум Лопухиных сразу восприняли облик “эпохи великих реформ”. Благодаря этому вся атмосфера, в которой мы выросли, была пропитана тогдашним либерализмом особого, судебного типа»^а. С Е. Н. Трубецким полностью соглашался его сын С. Е. Трубецкой, двоюродный племянник В. Б. Лопухина.

С. Е. Трубецкой, упоминая про данную отцом «талантливую характеристику двух “стилей” — трубецковского и лопухинского, сочетавшихся и борющихся в их семье», писал: «Сам Папа был более проникнут либеральным стилем лопухинской семьи, и в нашей собственной семье этот стиль чувствовался сильнее, чем стиль старотрубецковский»^б. Понятно, что если лопухинский либерализм оказывал влияние даже вне семьи Лопухиных, то ее представители, в т. ч. и Владимир Борисович, разделяли либеральные взгляды не за страх, а за совесть. Как либеральный бюрократ он и был востребован единомышленниками из высшего чиновничества, внося свой вклад в дело преобразований начала XX в.

Еще до начала заседаний народного представительства министерства принялись за подготовку реформаторских законопроектов, намереваясь внести их в Думу. В частности, Министерство финансов приступило к разработке законопроекта о введении подоходного налога, проходившей под руководством директора Департамента окладных сборов Н. Н. Покровского, который ранее, в Государственной канцелярии, являлся непосредственным начальником В. Б. Лопухина. Отдавая должное его способностям, Н. Н. Покровский пригласил своего бывшего подчиненного перейти в Министерство финансов для непосредственного участия в подготовке законопроекта о подоходном налоге. В результате в 1906 г. В. Б. Лопухин проявил «охоту» не только «к перемене мест», но и к «возвращению на круги своя», вернувшись 12 мая этого года в Министерство финансов и став начальником отделения Департамента окладных сборов.

Во второй период своей службы в Министерстве финансов В. Б. Лопухин в 1908 г. женился во второй раз — его избранницей явилась дочь генерал-лейтенанта Наталья Матвеевна Поливанова (1882 года рождения), мать которой, княжна Пелагея Алексеевна Кропоткина, принадлежала, как когда-то жена Редеди Касожского, к роду Рюриковичей. Второй брак В. Б. Лопухина оказался более счастливым. От этого брака у него родились сын Борис (1910) и дочь Марина (1911), впоследствии ставшая женой князя А. П. Вяземского^с.

В 1909 г. В. Б. Лопухин, как представитель Министерства финансов, участвовал в заседаниях межведомственной комиссии под председательством това-

^а Трубецкой Е. Н. Из прошлого. С. 19.

^б Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 57.

^с Краевский Б. П. Лопухины в истории Отечества. С. 611, 618.

рища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова, занимавшейся обсуждением вопроса о реформировании штатов центральных учреждений МИД. Назначение В. Б. Лопухина в эту комиссию произошло по инициативе директора Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД барона К. К. Буксгевдена, который, услышав от В. А. Березникова, своего сослуживца и друга В. Б. Лопухина, о его редакторских талантах, решил возложить на него составление записки о реформе штатов. Пребывание В. Б. Лопухина в упомянутой комиссии стало этапом на пути к его возвращению в дипломатическое ведомство. В 1910 г. он был назначен делопроизводителем Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, в июне 1914 г. преобразованного в 1-й Департамент.

Помимо законопроекта о реформировании штатов центральных учреждений МИД, В. Б. Лопухин подготовил и законопроект о преобразовании заграничных учреждений ведомства. В награду в 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов провел В. Б. Лопухина в камергеры высочайшего двора и возложил на него исполнение обязанностей вице-директора 1-го Департамента, штатным вице-директором которого он стал в 1916 г.

Несмотря на столь стремительное развитие карьеры В. Б. Лопухина, его отличала скромность. Не случайно, что в воспоминаниях Г. Н. Михайловского, давшего пространные характеристики даже второстепенным служащим МИД, В. Б. Лопухин не удостоился особого портрета. Молодому сослуживцу он запомнился своею склонностью к шуткам, а также некоторым подыгрыванием начальству. По воспоминаниям Михайловского, «личный режим», установленный в МИДе Б. В. Штюрмером, который в июле 1916 г. был назначен министром иностранных дел, вызвал «соответственное приспособление» со стороны 1-го Департамента. Выразилось это в том, что при участии В. Б. Лопухина брату С. В. Юрьева, секретаря Б. В. Штюрмера, занимавшему скромный консульский пост на Востоке, готовился дипломатический пост, «соответственный положению» С. В. Юрьева. Впрочем, Г. Н. Михайловский признавал, что «не мог бы обвинить Лопухина в сервиллизме»^а, тем более что данное назначение готовилось столь медленно, что Б. В. Штюрмер в ноябре 1916 г. успел получить отставку и, потому, о Юрьеве-консуле благополучно забыли.

Преемником Б. В. Штюрмера оказался Н. Н. Покровский, отношения с которым В. Б. Лопухина во время Первой мировой войны стали еще более близкими. По приглашению Покровского В. Б. Лопухин, параллельно со службой в МИД, работал со своим покровителем в Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского и в Верховном совете под председательством императрицы Александры Федоровны по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В. Б. Лопухин являлся управляющим делами Особой комиссии Верховного совета. Естественно, что приход Н. Н. Покровского в МИД означал упрочение служебных позиций В. Б. Лопухина. 19 января 1917 г. он был назначен директором 1-го департамента, заняв должность 4-го класса, т. е. высшую (высшими в царской России считались должности первых четырех классов), и войдя, таким образом, в состав бюрократической элиты. Классу должности соответствовал и класс чина, имевшегося к этому времени у В. Б. Лопухина — он являлся дей-

^а Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 37, 192.

ствительным статским советником, т. е. «статским генералом», а также камергером, что для 45-летнего чиновника было показателем выше среднего.

Карьерный взлет В. Б. Лопухина почти совпал с Февральской революцией 1917 г. и падением монархии, которой он служил предыдущие 23 года. Государственные потенции новых властителей России он оценивал весьма скептически, полагая, что в результате революции к власти пришли общественные деятели, принадлежавшие в своем большинстве к числу «наименее стойких» элементов «отживавшего поместного дворянства». По наблюдениям В. Б. Лопухина, «лучшая молодежь помещичьего класса», окончивая вузы, поступала на государственную, гражданскую или военную службу, между тем как «худший отпрыск помещичьего класса», еле окончивавший гимназию, проникал в земство, делая более легкую карьеру по местному и дворянскому самоуправлению (с. 80). Данное мнение соотносится с точкой зрения В. И. Гурко, который считал, что в дореволюционной России «служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном»^а. В развитие своей мысли В. Б. Лопухин писал о феномене «преобладавших в земствах никудышников и лодырей», которые, как правило, и пополняли прослойку «земских людей», образуя общественную контрэлиту. Именно они становились председателями уездных и губернских земских управ, уездными и губернскими предводителями дворянства, а после 1907 г. — депутатами цензовой Думы и выборными членами Государственного совета (с. 80). В том, что в феврале 1917 г. эти люди пришли к власти, В. Б. Лопухин видел главную причину падения Временного правительства.

Несмотря на сложное отношение к новому режиму, В. Б. Лопухин видел в нем меньшее зло по сравнению с его противниками слева, а потому, подумав об отставке, по совету экс-министра Н. Н. Покровского остался на своем посту. Более того, В. Б. Лопухин вошел в Комиссию по пересмотру условий прохождения службы в МИД, имевшую целью приспособление деятельности дипломатического ведомства к новым условиям. Не менее показательно и другое — после свержения Временного правительства В. Б. Лопухин, в известной мере рискуя жизнью, занял определенную гражданскую позицию, приняв участие в забастовке петроградских чиновников (именно ее В. И. Ленин назвал «саботажем»), организованной в знак протеста против захвата власти большевиками. Именно Лопухин, по свидетельству Г. Н. Михайловского, ведал казенными суммами МИД, которые тратились на содержание забастовщиков из числа чиновников этого ведомства^б. Понятно, что об этом эпизоде своей биографии В. Б. Лопухин не написал, отметив, однако, что был уволен со службы без права на пенсию по приказу наркоминдела Л. Д. Троцкого.

Оказавшись в отставке, В. Б. Лопухин, вместе с подобными ему «бывшими людьми», попытался приспособиться к жизни в Советской России и вначале принял участие в разного рода эфемерных коммерческих предприятиях. Однако после того как «военный коммунизм» ликвидировал остатки рыночных отношений, он был вынужден превратиться в советского служащего, заняв пост помощника управляющего делами Всероссийского бюро снабжения железнодорожников, находившегося в Петрограде. Уникальность послереволюционной судьбы В. Б. Лопухина состояла в том, что он оказался единственным высшим чиновником

^а Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 241, 242.

^б Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 299; Кн. 2. С. 48, 71.

царского МИДа, который не эмигрировал и продолжал жить в РСФСР, а потом — и в СССР, причем от расстрела во время «красного террора» Лопухина спасло то, что на какое-то время он просто сумел затеряться в человеческой массе.

Наиболее интересный эпизод из советского периода жизни В. Б. Лопухина — написание воспоминаний, названных им «Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел». Мысль о подготовке мемуаров подал В. Б. Лопухину сразу после Октябрьской революции его старший друг П. П. Гнедич, известный писатель и историк искусства. Словно готовясь к этому, В. Б. Лопухин, судя по его запискам, основательно изучил выходявшие в СССР в 1920-е гг. переиздания воспоминаний и дневников Д. У. Бьюкенена, С. Ю. Витте, А. П. Извольского, Ж. М. Палеолога, М. В. Родзянко, В. А. Сухомлинова. Кроме того, В. Б. Лопухин прочитал исследование советского историка Н. П. Полетики «Сараевское убийство», изданное в 1930 г. в Ленинграде.

Что подтолкнуло В. Б. Лопухина к окончательному оформлению записок именно в начале 1930-х гг.? Несомненно, желание их опубликовать, причем именно в СССР, что видно по сделанному автором адаптированию некоторых мест воспоминаний к сознанию массового советского читателя. С другой стороны, нельзя сказать, что подобное адаптирование затронуло все содержание записок. Очевидно, двойственная природа текста воспоминаний причудливо отразила двойственный характер тогдашней власти, которая, с упрочением в начале 1930-х гг. культа личности И. В. Сталина, эволюционировала от интернационал-большевизма к национал-большевизму. Казалось, что разжигание мировой революции уступает место строительству социализма в одной, «отдельно взятой», стране, а отсюда — недалеко и до «реставраторских тенденций». Не исключено, что с обратной эволюцией большевистского режима В. Б. Лопухин связывал вероятность, в обозримом будущем, такого изменения внутривнутриполитической ситуации в СССР, которое сделало бы возможным выход в свет его воспоминаний. Так или иначе, но надежды В. Б. Лопухина не оправдались, более того, на старости лет он подвергся репрессиям.

В феврале-марте 1935 г. в Ленинграде Управление НКВД по Ленинградской области провело операцию «Бывшие люди», нацеленную на «изъятие» из города и его пригородов «представителей эксплуататорских классов». Операция закончилась осуждением Особым совещанием при НКВД и выселением более 11 000 «бывших». Из 4692 осужденных Особой тройкой Ленинградского УНКВД к расстрелу были приговорены 4393, т. е. подавляющее большинство, и лишь 299 — к исправительно-трудовым лагерям. К этому времени В. Б. Лопухин, как «лишенец», и его жена являлись безработными и жили вместе с сыном, работавшим музыкантом Ленинградского радицентра. Арест Лопухиных последовал 27 февраля 1935 г. В. Б. Лопухину инкриминировали то, что он, «бывший директор 1-го Департамента Министерства иностранных дел», «окружен бывшими людьми» и «за свою службу имеет неоднократные награды от царского правительства», а всем членам семьи — что они «имеют связи с классово-чуждым элементом» и их квартиру «часто посещает бывший барон (о, ужас! — С. К.) Таубе и другие бывшие люди». Приговор, вынесенный Лопухиным, гласил: «Выслать в Тургай на 5 лет»^а. Судя по всему, в 1940 г. В. Б. Лопухин вернулся в Ленинград,

^а Иванов В. А. Операция «Бывшие люди»: Ленинград, 1935 год. (Персональный список № 1) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 46–47, 51–52.

поскольку в ноябре этого года продал рукопись всех трех частей мемуаров Публичной библиотеке. Имеется информация, что он умер в 1942 г.

Таковы важнейшие вехи жизненного пути автора публикуемых воспоминаний. Из множества ему подобных представителей второго эшелона власти Российской империи конца XIX – начала XX в. он отличается лишь тем, что, войдя в роль чиновника-кочевника, слишком часто менял место своей службы, а также... написанием интереснейших мемуаров. Они являются, как писал А. И. Добкин, подразумевая ту их часть, которая посвящена периоду после 25 октября 1917 г., «почти уникальным источником сведений о судьбах и психологии российской бюрократии разных ведомств и рангов в первые послеоктябрьские месяцы»^a. То же самое можно сказать и о воспоминаниях В. Б. Лопухина в целом. Они ценны тем более, что одновременно дают разнообразную информацию о деятельности таких ведомств, как министерства финансов и иностранных дел, Государственный контроль и канцелярия. Введенные в научный оборот мемуары представителей второго эшелона власти, служивших в этих ведомствах, – крайне малочисленны^b. Известные воспоминания (это касается воспоминаний чиновников Государственной канцелярии^c, министерств финансов^d и иностранных дел^e), принадлежат перу представителей первого эшелона власти, либо тех, кто работал «на местах» (за гра-

^a Минувшее. Вып. 1. С. 12.

^b Подробнее о мемуарах и дневниках, отражающих историю России конца XIX – начала XX в., см.: *Ганелин Р. Ш., Куликов С. В.* Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. СПб., 2000.

^c *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. См. также: *Покровский Н. Н.* Воспоминания о Государственном совете и его канцелярии в начале 1900-х гг. (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 38).

^d *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. Т. 1, 2. М., 1992; *Полянский Н. П.* Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909–1918. СПб., 1998; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1, 2.

^e *Necludoff A. V.* Diplomatic reminiscences before and during the World war. 1911–1917. London, 1920; *Гейкинг А. А.* Четверть века на российской консульской службе. 1892–1917: Исследования, наблюдения и предложения реформ. Berlin, 1921; *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921; *Rosen R. R.* Forty years of diplomacy. Vol. 1–2. New York, 1922; *Савинский А. А.* 1) Recollections of a Russian diplomat. London, 1922; 2) Из воспоминаний // Источник. 1999. № 2; *Короستовец И. Я.* Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: Дневник. Пекин, 1923; *Таубе М. А.* 1) La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars (1904–1917). Paris, 1928; 2) «Зарницы»; *Боткин П. С.* Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930; *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое: Ист. очерки. Париж, 1930; *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics (1855–1929). London, 1931; *Schebeko N. N.* Souvenirs. Paris, 1936; *Татищев Б. А.* Крушение. 1916–1917 гг. // Возрождение (Париж). 1949. Тетр. 4; *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959; *Abrikossov D. I.* Revelations of a Russian diplomat. New Haven, 1971; *Basily N.* Diplomat of imperial Russia. 1903–1917: Memoirs. Stanford, 1973; *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983; *Залкинд И. А.* НКВД в семнадцатом году // Утро Страны советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. – 10 марта 1918 г. Л., 1988; *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989; *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991; *Михайловский Г. Н.* Записки; *Чиркин С. В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006.

ницей или внутри России). Только воспоминания В. Б. Лопухина, благодаря его кочеванию по ведомствам, удачно заполняют сразу несколько лакун.

Самое важное в записках — это интерес их автора, для которого нет мелочей, к тому, что сейчас называют «историей повседневности», т. е. к деталям, характеризующим деятели и события точнее, чем абстракции, претендующие, подчас на мнимое глубокомыслие. Чиновничий быт конца XIX–XX в. нашел в Лопухине своего непревзойденного художника или даже фотографа. Особенно он был силен в портретных зарисовках, независимо от того, изображался ли маститый сановник или мелкий чиновник. В первом В. Б. Лопухин находит черты, обновляющие хрестоматийный облик, во втором — типичного представителя своей среды.

Впрочем, нельзя сказать, что, вследствие большого внимания к деталям, В. Б. Лопухин из-за деревьев не видел леса, наоборот, его явно тянуло к обобщениям опыта не только личного, но и коллективного — целых народов и стран, не зря же он был «несостоявшимся ученым». Эти обобщения ценны тем более, что их автор, чуждый роли невозмутимого истолкователя мыслей «абсолютного разума», чувствовал себя «маленьким человеком», сознавая не столько собственную силу, сколько слабость. Отсюда тот подкупающий своей искренностью здравый смысл, доходящий порой до житейской приземленности, которым отмечены рассуждения В. Б. Лопухина на общие, прежде всего внешнеполитические, темы. Вместе с тем, тот же здравый смысл иногда оказывается и слабым местом мемуариста. Хорошо понимая, что в условиях советской цензуры все высказывать ему просто опасно, В. Б. Лопухин явно недоговаривал, а то, что говорил, — пытался приспособить к уровню возможных читателей, прибегая, хотя и нечасто, к подгонке своих размышлений под лекало «единственно верного учения». Впрочем, сыграло роль и обстоятельство, связанное с тем, что, прожив полтора десятка лет в наглухо замкнутом континуме Советской России, В. Б. Лопухин, хотя бы невольно, должен был испытать на себе, прежде всего на бытовом уровне, влияние идей, которые до 1917 г. воспринимал как несостоятельные. Так или иначе, необходимо, однако, отдать должное В. Б. Лопухину — при всем его здравомыслии, или конформизме, он не стал переделывать себя полностью даже ради того, чтобы создать условия для публикации записок в СССР. Неудивительно, что полностью они публикуются только сейчас.

Несомненным достоинством воспоминаний В. Б. Лопухина является и их стиль, относительно которого существует и иное мнение. Подразумевая текст этих воспоминаний, их публикатор писал: «Читать такой текст трудно, но тот, кто проредется сквозь канцеляризмы и неуклюжие конструкции, будет вознагражден»^а. Стиль В. Б. Лопухина действительно несет на себе печать его жизненного пути, а потому не столько труден для восприятия, сколько требует от читателя известной подготовки.

В настоящем издании записки В. Б. Лопухина впервые публикуются полностью, причем в качестве первой и последней глав помещены первое и второе приложение к ним. Очевидно, что по своему содержанию эти приложения вполне достойны открыть и закончить издаваемые мемуары. Разбивка текста на части, озаглавленные годами, принадлежит автору, а название их главами — публикатору. Авторские вставки и правки, как и текстологические характеристики, даны в подстрочных примечаниях.

^а Минувшее. Вып. 1. С. 11–12.